

Акакий Бакрадзе, *Укрощение литературы*, Тбилиси: Государственный музей Грузинской литературы им. Г. Леонидзе, 2019, с. 350.

DOI: 10.19195/2353-8546.8.21

Для грузинского читателя уже доступно новое издание *Укрощения литературы* (написано в 1983 году. Первое издание: 1990 год) знаменитого грузинского критика Акакия Бакрадзе (1928–1999). Издание опубликовано государственным музеем грузинской литературы им. Г. Леонидзе. Новое издание привлекает внимание тем, что в него внесены фрагменты, которые не встречаются в первом издании. Можно сказать, что это даёт произведению грузинского критика новую жизнь.

Укрощение литературы состоит из трех частей. В первой части, содержащей семь глав, автор опровергает главный тезис советской литературной теории, согласно которому литература (и искусство вообще) по своей природе явление партийное и классовое. Автор считает, что в XIX веке, когда Грузия была аннексирована царской Россией, грузинская литература стала выразителем народных интересов. В XX веке, после оккупации Грузии Советской Россией (февраль 1921), коммунистическая партия «отобрала эту функцию у литературы» и присвоила её себе (с. 8). Бакрадзе считает, что под интернациональным понятием «Советский Союз» скрывается империалистическая политика России. Он указывает на те системные проблемы, которые существовали в СССР и которые как несущественные и второстепенные до сегодняшнего дня игнорируют поклонники советской системы: массовые репрессии, экономические проблемы, навязчивые и утопические идеи высших советских партийных деятелей, принудительное выселение населения из горных регионов и т. д. (с. 13–21). Бакрадзе также пишет о культурных репрессиях в советской Грузии: под натиском советского правительства целый ряд грузинских писателей и исторических фигур были табуированы и преданы забвению (Григол Робакидзе, Зураб Авалишвили, Виктор Нозадзе, Михаил Церетели, Соломон Лионидзе, Маро Макашвили и др.). Можно сказать, что целые поколения росли в так называемом «культурном вакууме».

На первый взгляд, может показаться, что Бакрадзе — националист в негативном смысле этого слова, да еще хуже — шовинист, и поэтому противостоит России. «Неужели мы до того отупели, что не представляем ничего лучшего,

чем русский желудок?» — спрашивает он (с. 24). «Цель русских коммунистов состоит в том, чтобы грузинская культура (культура всех нерусских народов) была примитивной, серой, бесформенной, односторонней, скучной и неприятной» (с. 34). Но, по моему мнению, это не так. Автор не отрицает значения русской культуры и в самом начале книги отмечает: «Русская культура — важная часть и достижение мировой культуры» (с. 10).

То, против чего, выступает автор, это асимметрическое отношение России и Грузии: Россия — вышестоящая, Грузия — нижестоящая; Россия — Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чехов, Ахмадулина, Цветаева, Грузия — (пустота); Россия — Чайковский, Мусоргский, Шостакович, Рахманинов, Грузия — пустота. Гнев Бакрадзе — это гнев интеллектуала, вызванный имперским ярмом, который старается сокрушить установленные центром концепты (советский народ, советская литература, грузинская советская литература), дихотомии (что хорошо и что плохо с точки зрения Москвы) и категории (то и то считается мировым наследием, а то и то — простой провинциализм). В *Укрощении литературы* Бакрадзе производит деконструкцию советского мышления посредством выявления патологических сторон этого мышления. Для этого он приводит много ярких примеров из грузинской советской литературы.

Однако при этом автор идеализирует Европу. По мнению Бакрадзе, «европейская культура воспитала идеал личной и национальной свободы в захваченных народах Африки и Азии. Европейская же культура пробудила их. Это пробуждение закончилось их освобождением. Европейская культура всегда отмежёвывалась от политики европейских держав. Она не давала правительству обманывать колониальные страны» (с. 38). Это утверждение мне кажется спорным. Европейский колониализм также является неотъемлемой частью европейской культуры, как и европейское просвещение и интеллектуальное наследие Вольтера, Руссо, Дидро, Канта и других мыслителей. Обретение независимости странами — бывшими колониями — нельзя отождествлять с победой «идеала, созданного европейской культурой». Это равносильно осмыслению истории этих стран в европоцентристском контексте. По такой же логике можно было бы сказать, что стремление Грузии к национальной независимости и достижение этой независимости однозначно было обусловлено победой европейского идеала, что мне кажется неправильным. Объяснение исторической траектории постколониальных стран (Грузию я считаю такой страной) только влиянием культурного наследия стран-колонизаторов такая же односторонность, как отрицание всякого влияния метрополии на колонию.

Особенно интересна вторая глава первой части под заглавием *Принцип партийности литературы и творческая свобода*. Здесь Бакрадзе приводит много интересных примеров, которые свидетельствуют о степени давления, которое партия оказывала на свободное мышление. Грузинский поэт Ираклий Абашидзе (1909–1992) в одном из своих стихотворений (*Во Владикавказе*) написал о Лаврентии Берии следующие строки: «Вдруг в городе я увидел Берию, /

Он медленно пересек улицу... / Я обернулся, посмотрел на Дариали / и сказал — Грузия уже спасена»¹ (с. 43–44). В другом стихотворении, которое написано после расстрела Берии, Абашидзе оценивает его деятельность как «торжество души Каина» (с. 45). Подобные примеры Бакрадзе приводит из творчества и других грузинских писателей. Если назовем дискурс «информационным полем», то можно сказать, что Бакрадзе анализирует доминантный литературный дискурс советского периода, который «фотографически отражает конъюнктуру, господствующую догму и вкус» (с. 49), и деконструирует его. Метко выражает суть этой главы (так же, как и произведения в целом) следующий отрывок из пятой главы (*Литература-Агитпункт и его последствия*): «Когда человека вынуждают говорить и писать то, во что он не верит, это является ужасающей интеллектуальной эксплуатацией. Девяносто процентов советских граждан, если не больше, говорят и пишут то, во что не верят. Если в античную эпоху существовал институт социального порабощения, во время социализма был создан институт интеллектуального порабощения» (с. 100).

Однако Бакрадзе не ограничивается примерами из литературной сферы. Интересный случай раздвоения свободной мысли описывается им на примере известного грузинского художника Ладо Гудиашвили (1896–1980): в начале 1920-ых годов Гудиашвили написал портрет грузинского писателя Григола Робакидзе (1882–1962), которым восторгались друзья писателя (в особенности поэт Тициан Табидзе (1895–1937), который впоследствии стал жертвой большого террора). В начале 1930-ых годов Робакидзе становится «невозвращенцем»: он навсегда покидает Советский Союз по политическим причинам. В 1934 году Гудиашвили оформляет памфлет пролетарского писателя Григола Мушишвили (1899–1938) *Человек в рубашке змей*, направленный против Робакидзе (заглавие памфлета иронически откликается на произведение Робакидзе *Рубашка змей*, вышедшее в 1928 году с предисловием Стефана Цвейга). На обложке памфлета голова Робакидзе соединена с телом змеи (с. 54–55).

Банальная истина: в любую эпоху господствующий дискурс имеет свою уникальную терминологию, свой специфический жаргон, который в последующих эпохах часто воспринимается как чужой и странный из-за того, что по истечении времени другие темы и другой жаргон становятся господствующими. В *Укрощении литературы* Бакрадзе цитирует документы, которые оживляют картину 1930-ых годов, и читатель имеет возможность как бы почувствовать идеологически актуальные темы и господствующий жаргон той эпохи. Вот несколько примеров: «Большевизация пролетарских писателей и превращение их в рабочих является нашим главным лозунгом, увеличение ядра рабочих-ударников является наиважнейшей задачей» (с. 58); «Поставлено создание писательских бригад имени 518 фабрик и 1040 трактор-

¹ В стихотворении описывается период второй мировой войны, когда войска Вермахта уже были под Кавказом. В 1942 году Берия руководил обороной Кавказа.

ных станций. Эти бригады будут работать на предприятиях и в коллективах. Указанные бригады должны взять на буксир слабо работающие писательские бригады» (с. 59).

Слова меняют значения в рамках одного и того же дискурса. Бакрадзе анализирует изменение значения слов «большевик»/«коммунист». Если в господствующем литературном дискурсе в 1920-ых годах «настоящий» человек равнялся только большевику, в 1970-ых годах, на фоне культурных изменений (и новых партийных директив), понятие «коммунист», по мнению Бакрадзе, безгранично расширилось и уже охватывало таких различных (реальных или вымышленных) личностей, какими являются Прометей, Джордано Бруно, Ленин, царь Грузии Деметре I (!) и др. (с. 80–82). Бакрадзе описывает изменение траектории господствующего литературного дискурса, который менялся в соответствии с политикой коммунистической партии.

Рассматривая советскую грузинскую литературу, Бакрадзе утверждает, что гуманистические мотивы, которые появились в ней в 1970-ых годах, в сущности, являются идеологическо-пропагандистскими. Из-за того, что идеал большевистского «советского человека» потерпел неудачу, возникла необходимость смены гуманистического идеала, что, по мнению Бакрадзе, принимает форму карикатуры. Для Бакрадзе гуманизм — это однозначно христианский гуманизм (с. 79–80). Он считает, что после того, как идеалы советской литературы 1920–1930-ых годов разрушились, в грузинской советской литературе начался своеобразный поворот к гуманистическому идеалу, что осуществлялось, как было уже указано выше, или в абстрактно-бессодержательной форме или с явными религиозными (христианскими) коннотациями. Проявлением последней тенденции Бакрадзе считает роман грузинского писателя Нодара Думбадзе (1928–1984) *Закон вечности* (1978), за который писатель получил Ленинскую премию, одну из высших наград СССР. Главному персонажу романа на смертном одре снится Христос. Этот «поворот» в грузинской советской литературе Бакрадзе оценивает следующими словами: «Душе человека марксизм-ленинизм ничего не смог дать, и жаждущий пищи дух обратился снова назад, к христианству. Литература тоже вынуждена там искать нравственный идеал» (с. 104, см. также на с. 109). Под этот же контекст подпадает повесть Думбадзе *Кукарача*, где милиционер читает евангелие. Бакрадзе считает, что «это есть мечта писателя о христианском человеколюбии, который он не видит в социалистической действительности» (с. 277).

В шестой главе первой части (*Общечеловеческое или классово-партийное?*) Бакрадзе рассматривает советскую литературу с перспективы гуманистического принципа. Выражением этого принципа в грузинской литературе он считает повесть грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе (1837–1907) *Николоз Госташабишвили*. В этой повести грузинский воин Николоз Госташабишвили на поле боя встречается с иранцем, который в этом сражении убил много грузин. Госташабишвили сражается с иранцем и побеж-

дает его, но не убивает, потому что ценит его мужество. В отличие от этого, по мнению Бакрадзе, советская литература описывала и идеализировала такого человека, который выше общечеловеческих ценностей ставил партийные, классовые идеалы. Но такой человек, «человек без чести», не может быть идеалом для подражания, считает Бакрадзе. Здесь Бакрадзе вносит несколько проблемное противоречие между «теистическим» и «атеистическим» обществами и утверждает, что трудно найти идеал в атеистическом обществе (с. 129).

Специфическое использование христианских мотивов, не учитывая мировоззрение Бакрадзе, можно объяснить как реакцию автора на ситуацию, сложившуюся в Советском Союзе. Эту ситуацию Бакрадзе анализирует в последней, седьмой главе первой части (*Идеал и принцип партийности литературы*). Бакрадзе описывает ситуацию, которую по традиции Франкфуртской школы можно назвать «патологией мышления» и для которой характерно было объявление марксизма-ленинизма единственным истинно научным учением, фетишизация Ленина и Сталина в огромных масштабах, использование религиозных мотивов для партийных целей и наряду с этим осмеивание существующих религий и объявление их «пережитками прошлого». Бакрадзе приводит интересный пример: в художественном фильме *Сердце матери* (1965), который посвящается матери Ленина, титры идут на фоне *Мадонны* Рафаэля и других полотен, где встречаются изображения Богородицы с младенцем Христом. Мне кажется, что Бакрадзе старался показать псевдорелигиозный характер этих явлений посредством сопоставления их с христианским учением. В контексте «патологии мышления» интересен также анализ института «вора в законе». По мнению Бакрадзе, воровство до такой степени распространилось в общественной ткани советского общества, что профессиональный вор, «вор в законе» стал общественным идеалом. Это нашло отражение и в литературе, где облик «вора в законе» приобретает черты Робина Гуда (с. 147–148).

Во второй части работы Бакрадзе рассматривает репрессивный характер советской литературной цензуры, он приводит примеры произвольного искажения произведений грузинских писателей. Но бывало и хуже, когда вслед за репрессивными актами цензуры следовала физическая расправа (при большом терроре были расстреляны грузинские писатели Михаил Джавахишвили, Тициан Табидзе, Николо Мицишвили и другие грузинские интеллектуалы). Авангард репрессивной цензуры состоял из пролетарских писателей и партийных деятелей. Трагическая ирония судьбы заключалась в том, что многие из этих критиков в свою очередь сами стали жертвами большого террора.

В первой главе третьей части — *Новый человек или человек без чести* — Бакрадзе затрагивает вопрос взаимоотношения полов в контексте грузинской советской литературы. Он считает, что даже в этой сфере господствовал принцип партийности литературы. Следствием этого были стереотипы женщины и мужчины, схематизация действующих лиц и утверждение примитивной ди-

хотомии — непоколебимый мужчина коммунист и колеблющаяся женщина (с. 262–273).

Вторая глава третьей части — *Родина* — содержит интересный материал с точки зрения постколониальных исследований. Рассматривая произведения грузинских писателей, в которых описана Грузия конца XIX – начала XX веков, Бакрадзе пытается понять, что подразумевали грузинские авторы под понятием «родина». В 1920–30-ых годах в грузинской литературе еще проявлялись национальные мотивы, но развитие этих мотивов впоследствии было приостановлено советской цензурой. Главной темой господствующего литературно-идеологического дискурса, по мнению Бакрадзе, стал псевдокосмополитизм, который боролся с любым проявлением национального вопроса в литературе. По указу партии пролетарские писатели неустанно высмеивали так называемый национальный вопрос и восхваляли новую родину — Советский Союз. Впоследствии вместо абстрактного Советского Союза на передний план выходит Россия, на которую должны были ориентироваться все национальности союзных республик. Бакрадзе приводит слова Сталина на параде 7 ноября 1941 года: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» — и спрашивает: «Но куда делись Давид Строитель, Гиорги III, Царица Тамар, Гиорги Блистательный² или герои армян, узбеков, казахов, таджиков, литовцев и других народов? Неужели им не хватало мужества, доблести и любви к родине? Если весь советский народ должен был воевать против немцев, тогда зачем затолкнули историю, прошлое и героев этих народов? Почему же не удостоили их упоминуть наряду с русскими?» (с. 289–290). Для Бакрадзе неприемлемо признание преимущества русского народа над другими народами, завуалированное под маской космополитизма, которое, по его мнению, составляло основу советской пропаганды. Анализ этого вопроса он продолжает в последней главе третьей части *Поиск национальной энергии*, в которой он сравнивает политику царской России и Советского Союза по отношению к Грузии. Вывод Бакрадзе таков: Советская Россия во много раз «опередила» царскую Россию в подавлении свободной мысли, репрессивных мерах и в степени контроля над различными сферами культуры.

Бакрадзе считает, что непрерывная идеологическая цензура в Грузии породила менталитет скитальца, который постоянно ищет покровителя. А в метрополии идеологическое воздействие способствовало появлению имперского и деспотического менталитета (с. 321–325). Выход из сложившейся ситуации Бакрадзе видит в «революции духа» — в слиянии научно-технического прогресса с национальными традициями, — осуществление которого он видит, в первую очередь, в Японии и в Израиле (с. 325–328).

² Монархи-правители объединённой Грузии в средние века.

Что можно сказать в конце этой длинной рецензии? В *Укрощении литературы* много противоречивых обобщений, но это не умаляет его достоинство. Я считаю эти противоречия предвосхищением и проявлением тех конфликтов, в которые была втянута Грузия в начале 1990-ых годов. В этом плане *Укрощение литературы* — документ эпохи, потому что в нем ясно вырисовываются те конфликтные моменты, которые проявились вскоре после публикации произведения с громадной силой. Все более и более усугубляющийся конфликт между метрополией и бывшей колонией сначала принял форму латентной войны, которая потом переросла в явную и незамаскированную войну и в оккупацию.

В *Укрощении литературы* Бакрадзе филологическим скальпелем мастерски оперирует советскую литературную цензуру. Автор приводит многочисленные примеры из разных сфер культуры, в результате этого перед читателем обрисовываются контуры господствующего идеологического дискурса, специфика его действий. Ясно показано, какой вред нанесло грузинской литературе (и грузинским писателям) непрерывное давление советского идеологического аппарата. Кроме этого, Бакрадзе описывает изменения, которые происходили в господствующем идеологическом дискурсе. Множество примеров, которыми Бакрадзе наполняет свой труд, не позволяют читателю погрузиться в абстракции и дают четкое понятие об этих изменениях.

Неутомимая жажда к свободе представляется мне главным мотивом *Укрощения литературы*. Это чувствуется в каждой главе. По-моему, именно это делает его актуальным и в наши дни.

Гиорги Тавадзе

Тамара Марценюк, *Чому не варто боятися фемінізму*, red. Оксана Кісь, Комора, Kijów 2018, ss. 328*.

DOI: 10.19195/2353-8546.8.22

Tamara Marceniuk — socjolożka, badaczka *gender studies*, autorka licznych publikacji ukraińsko- i anglojęzycznych. Działając nie tylko w murach uniwersyteckich, odważnie wkracza na ukraińską arenę pozycji popularnonaukowych. Poprzedni tom jej autorstwa — *Гендер для всіх. Виклик стереотипам* (Wydawnictwo Osnowy, Kijów 2017) — to niezwykle ważna propozycja omówienia kwestii genderowych, w której z pozycji naukowca Marceniuk wyjaśnia przeciętnemu ukraińskiemu od-

* Fragmenty recenzji zostały wykorzystane w pracy doktorskiej *Ukraińska proza kobieca w latach 1991–2016*. Oksana Zabużko, Tania Malarczuk, Sofija Andruchowycz obronionej w dniu 30.03.2021, pisanej pod kierunkiem dr hab. Agnieszki Matusiak prof. UWri.